

К. Е. МАЙТИНСКАЯ

## ФУНКЦИЯ МЕСТОИМЕННОГО СУФФИКСА *-n* В ЛИЧНЫХ И ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНЕНИЯХ ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ

Для финно-угорских языков является характерным наличие в местоименных словах суффиксов, многие из которых восходят к языку-основе. Й. Синней в венгерском языке находит четыре местоименных суффикса финно-угорского или угорского происхождения.<sup>1</sup> Х. Оянсуу в прибалтийско-финских языках обнаруживает двадцать суффиксов.<sup>2</sup> Т. Лехтисало перечисляет восемь местоименных суффиксов, относящихся еще к уральскому языку-основе.<sup>3</sup>

Из приведенных названными лингвистами суффиксов большинство обнаруживается в указательных и других неличных местоимениях и лишь некоторые — в сфере личных местоимений. Наиболее распространенным среди последних является *л*-овый суффикс, выступающий то только в виде одного согласного, то в виде сочетания согласного *-л* с каким-либо гласным и употребляемый как в личных местоимениях, так и в местоимениях других разрядов, прежде всего вопросительных и указательных.

Исследованию местоименных суффиксов в финно-угорских языках было уделено и до сих пор уделяется достаточно внимания. Особенно много сделали в этой области финский лингвист Хейкки Оянсуу<sup>4</sup> и венгр Миклош Жираи,<sup>5</sup> много

<sup>1</sup> Szinyei J. Magyar nyelvhasonlítás. Budapest, 1927, стр. 104, 105.

<sup>2</sup> H. Ojansuu. Itämerensuomalaisten kielen pronominioppia. Turun suomalaisen yliopiston julkaisuja, часть В, вып. 1, Turku, 1923.

<sup>3</sup> T. Lehtisalo. Über die primären ururalischen Ableitungssuffixe. Helsinki, 1936, стр. 388—389.

<sup>4</sup> H. Ojansuu, ук. соч.

<sup>5</sup> Zsirai M. Névmástanulmányok. Emlékkönyv Melich J. hetvenedik születésnapjára. Budapest, 1942.

## К ВОПРОСУ О ВОЗНИКНОВЕНИИ ДВУХ ТИПОВ СПРЯЖЕНИЯ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос, затрагиваемый в нашей статье, в финно-угорском языкознании не новый: своеобразие марийского языка в системе финно-угорских языков — наличие в нем двух типов спряжения — привлекало внимание финно-угроведов, начиная с прошлого столетия и давало повод к различным толкованиям.

Если в первых марийских грамматиках,<sup>1</sup> составленных не специалистами-языковедами, а позднее и в грамматике известного финно-угроведа М. Кастрена<sup>2</sup> признавалось наличие в марийском языке двух спряжений, то в грамматике Ф. Видемана<sup>3</sup> это категорически отрицается.

В настоящее время наличие двух спряжений в марийском языке не вызывает никаких сомнений, однако вопрос о возникновении и развитии их пока еще нельзя считать окончательно разрешенным.

Два спряжения в современном марийском языке различаются двумя качественно различными гласными в личных окончаниях 1-го лица единственного числа настоящего-будущего времени изъявительного наклонения. Для первого спряжения таким гласным является *a-* (*ä-*), для второго спряжения — *e-*:

I спряжение: *лудам* 'читаю', от *лудаш* 'читать';<sup>4</sup>

II спряжение: *возем* 'пишу' от *возаш* 'писать'.

В зависимости от гласного марийские спряжения нередко называют: *ам-овое* спряжение, *ем-овое* спряжение.

<sup>1</sup> Сочинения, принадлежащие к грамматике черемисского языка. СПб., 1775, стр. 72; Черемисская грамматика. Казань, 1837, стр. 50.

<sup>2</sup> M. A. Gastrén. Elementa Grammatices tscheremissae. Kuopio, 1845, § 34, стр. 35.

<sup>3</sup> F. Wiedemann. Versuch einer Grammatik der tscheremissischen Sprache. Reval, 1847, стр. 107.

По вопросу о возникновении двух спряжений в марийском языке мнения языковедов расходятся. Так, венгерский ученый Й. Буденц с некоторой неуверенностью считал, что их появление связано с переходностью и непереходностью глаголов. По его мнению, глаголы II спряжения являются переходными, в глаголах же I спряжения скрыт финно-угорский возвратный суфф. *-\*v*.<sup>4</sup>

В современном марийском языке имеется немногим более двух десятков глаголов, которые имеют одинаковое звучание в инфинитиве, но противопоставляются по значению в зависимости от форм спряжения. Это так называемые глаголы типа *кодаш*: *кодам* 'остаюсь', *кодем* 'оставляю'. Например:

*велем* 'лью', *велам* 'льюсь';

*тугем* 'сломаю', *тугам* 'сломаюсь';

*шумем* 'точу', *шумам* 'устаю';

*шуэм* 'брошу', *шуам* 'достану, достигну, успею', и т. д.

Такое разграничение переходности и непереходности (при том непереходности с моментом возвратности) в глаголах типа *кодаш* дало повод Й. Буденцу глаголы I спряжения сравнить с мордовскими возвратными глаголами с суффиксом *-во*, *-ве*. Например: морд. в.<sup>5</sup> *кадомс* 'оставить', *кадовомс* 'остаться'; ср. мар. *кодам* 'останусь', *кодем* 'оставляю'; морд. в. *ветямс* 'вести, привести', *ветявомс* 'вестись, происходить'; ср. мар. *вўдем* 'веду', *вўдалтам* 'являюсь, буду ведомым', и т. п.

Отсюда Й. Буденц заключил, что I спряжение в марийском языке возникло вследствие утраты финно-угорского возвратного суффикса *-\*v* и сохранения его конечного гласного, которым он считал *-a* (*-ä*).

В противоположность Й. Буденцу финский ученый П. Равила считает, что объяснить происхождение двух спряжений в марийском языке переходностью и непереходностью глаголов не представляется возможным, так как среди глаголов обоих спряжений встречаются как переходные, так и непереходные. При этом среди глаголов I спряжения, по мнению П. Равила, переходных глаголов больше, чем непереходных. Анализируя оба спряжения в марийском языке в плане сравнения с другими финно-угорскими языками, П. Равила пришел к выводу, что глаголы II спряжения представляют собой глаголы с первоначальной основой на гласный *\*a-* (*\*ä-*), глаголы же

<sup>4</sup> Budenz J. Cseremisiz tanulmányok. NyK, IV, 1864, стр. 48 и след.

<sup>5</sup> Сокращенные наименования языков: венг. — венгерский, коми-зыр. — коми-зырянский, мар. — марийский, мар. горн. — горномарийский, мар. луг. — луговомарийский, морд. м. — мокша-мордовский, морд. в. — эрзя-мордовский, саамск. — саамский (норв. — в Норвегии), удм. — удмуртский, фин. — финский, вст. — эстонский, яранск. — яранский.

I спряжения в одних случаях представляют глаголы с каким-то древним узким конечным гласным основы, а в других — глаголы с каким-то словообразовательным суффиксом, в котором также наличествовал гласный *-a* (*-ä*).<sup>6</sup>

К той части глаголов I спряжения, в которых П. Равила предполагает первоначальное наличие какого-то словообразовательного суффикса, относятся прежде всего глаголы типа *кодаш: кодам* 'остаюсь', *кодем* 'оставляю'.

Таким образом, точки зрения Й. Буденца и П. Равила относительно возникновения двух типов спряжения в марийском языке имеют некоторые общие и некоторые отличительные моменты. Общим является то, что оба исследователя — один в некоторой части глаголов I спряжения, другой во всех — признают сохранение гласного *-a* (*-ä*) какого-то словообразовательного суффикса с элементом *v-*.

На наш взгляд, каждое из приведенных мнений имеет свою рациональную основу, но требует некоторых уточнений и дополнений.

Справедливым является утверждение П. Равила, что различие двух спряжений в марийском языке нельзя объяснить переходностью и непереходностью глаголов. Мы выписали из словаря В. М. Васильева<sup>7</sup> корневые глаголы, которых оказалось 291. Из них к I спряжению относится 81 глагол, ко II — 210. Из глаголов I спряжения 42 являются непереходными, 39 — переходными. Из глаголов же II спряжения — 78 непереходные и 132 переходные. Поэтому весьма рискованно утверждать, что два спряжения в марийском языке возникли в зависимости от переходности и непереходности глаголов. Правильнее будет искать источник возникновения двух спряжений в марийском языке в том, каково было качество гласных основы древнемарийского слова.

Из истории гласных непервых слогов слова в финно-угорских языках известно, что в таких слогах могли выступать только три гласных звука: *\*a, ä, e*.<sup>8</sup> Впоследствии эти гласные, в зависимости от фонетических закономерностей отдельных языков, могли претерпеть различные изменения. Однако общую закономерность этого явления можно проследить и в современных языках. Особенно примечательны в этом отношении материалы прибалтийско-финских языков. На наш

<sup>6</sup> P. Ravila. Über die Entstehung des tscheremissischen Konjugationssystems. FUF, XXV, Helsinki, 1938, стр. 24.

<sup>7</sup> В. М. Васильев. Марий мутәр. М., 1926.

<sup>8</sup> В. Халлап. Суффиксы образования глаголов в мордовских языках. (Общемордовские суффиксы). Автореф. канд. дисс. Таллин, 1955, стр. 7.

взгляд, вполне справедливо замечание Д. В. Бубриха о том, что „при изучении гласных непервых слогов приходится опираться главным образом на прибалтийско-финские языки.“<sup>9</sup> Например: мар. луг. *иза*, горн. *izä* 'старший брат', фин. *isä* 'отец', эст. *isa* 'отец', морд. м. *оуя* 'дядя (по отцу)'; мар. *коҥла* 'подмышка', эст. *kangla* 'плечо', морд. м. *кавлал* 'подмышка'; мар. *йыжың* 'сустав', фин. *jäsen* 'сустав', морд. м. *эзне* 'сустав'; мар. *йылме* 'язык', саамск. *njalbme* 'рот', венг. *nyelv* 'язык'; мар. *тупка* 'охлопок (волокна)', фин. *tukka* 'волосы, прическа', мар. *копка* 'ступня, лемех', фин. *kokka* 'нос (корабля)'; мар. *теле* 'зима', фин. *talve* 'зима', морд. э. *теле* 'зима', удм. *тол* 'зима', венг. *tél* 'зима'; мар. луг. *пыжаш*, горн. *пйжәкш* 'гнездо', фин. *pesä* 'гнездо', морд. м. *пиза* 'гнездо'; мар. *колеш* 'он слышит', фин. *kuulee* 'он слышит', норв.-саамск. *gullât* 'слышит'; мар. *шула* 'тает', фин. *sulaa* 'тает', морд. э. *соламс* 'таять, растопиться'; мар. *улеш* 'он есть', фин. *olen* 'я есмь', морд. э. *улемс* 'быть'; мар. *толеш* 'придет', фин. *tulee* 'придет'; мар. *ила* 'живет', фин. *elää* 'живет', морд. э. *эрямс* 'жить'; мар. *шелеш* 'раскалывает, делит', фин. *säle* 'осколок', норв.-саамск. *čallet* 'отрезать, расколоть'; мар. *пйчкеш* 'режет', фин. *pätke* 'рвать, срывать', морд. э. *печкемс* 'зарезать', норв.-саамск. *bæsket* 'стричь'; мар. *пуреш* 'жует, грызет', фин. *ruuen* 'кусаю, грызу', морд. э. *поремс* 'жевать, грызть', коми *пурны* 'грызть'.

Как видно из вышеуказанных примеров, первоначальные гласные непервых слогов финно-угорского слова в какой-то степени проявляют себя и в современных финно-угорских языках, как в именах, так и в глаголах. Таким образом, гласными, создавшими разные типы спряжения и марийском языке, могли быть только указанные выше, а именно: \**a*, \**ä*, \**e*.

Исходя из этого, Ф. Гордеев в своей статье „Из истории марийского спряжения“<sup>10</sup> пишет, что первоначально марийский язык имел три спряжения, которые до сих пор сохраняются в горном наречии. По его мнению, к гласным глагольной основы \**a*, \**ä*, \**e* присоединились личные окончания (местоимения), а затем эти гласные путем переразложения непосредственно перешли в личное окончание. В луговом же наречии марийского языка вследствие совпадения гласных *a*- и \**ä*- возникло два спряжения. Таким образом, по мнению Ф. Гордеева, первоначальные гласные основ непосредственно перешли в лич-

<sup>9</sup> Д. В. Бубрих. К вопросу о звукопереходе *ti > si* в финском языке. Советское финноугроведение, V, Петрозаводск, 1949, стр. 130.

<sup>10</sup> Ф. Гордеев. Марий йылмыште глагол спряженийын лийме историй же гыч. Газ. „Марий коммуна“, Йошкар-Ола, № 24 (8505) от 5 февраля 1957 г.

ное окончание и сохраняются до сих пор. Свое положение автор статьи аргументирует примерами: *коям* 'кажусь', ср. фин. *kajo* 'эхo'; *лектам, лăктăм* 'выхожу', ср. фин. *lähteä* 'отправиться'. Однако один из этих примеров опровергает положение Ф. Гордеева, ибо глагол *lähteä* 'отправиться' в финском языке имеет основу *lähde*. Пример со словом *kajo* 'эхo' не вполне убедителен, так как здесь, очевидно, основой является не *kajo*, а скорее всего *kaj-*, ср. *kaiku* 'эхo'.

На первый взгляд мнение Ф. Гордеева кажется правдоподобным, но более тщательный анализ истории марийского спряжения говорит о том, что развитие двух типов спряжения в марийском языке прошло гораздо более сложный путь.

Сравнительный анализ марийских глаголов с глаголами других финно-угорских языков показывает, что в отношении происхождения двух спряжений в марийском языке наиболее вероятна и близка к истине точка зрения П. Равила, хотя она тоже не лишена недостатков.

Вполне можно согласиться с мнением П. Равила, что глаголы II спряжения представляют собой глаголы с первоначальной основой на \*а- (ä-). В этом можно легко убедиться, если сравнить глаголы финно-угорского происхождения в разных языках. Особенно показательна форма 3-го лица единственного числа настоящего-будущего времени глаголов марийского и финского языков. Например: мар. луг. *конда*, горн. *канда* 'принесет', фин. *kantaa* 'несет'; мар. *шула* 'тает', фин. *sulaa* 'тает', морд. э. *соламс* 'растаять'; мар. луг. *ила*, горн. *йӱлӱ* 'живет', фин. *elää* 'живет', морд. э. *эрымс* 'жить'; мар. *пызырта* 'придавливает', фин. *pusertaa* 'жмет, сжимает, сдавливает'.

Также можно согласиться с П. Равила в том, что глаголы I спряжения, за исключением некоторых, представляют собой первоначальные глаголы с основой на узкий гласный. Если конкретизировать точку зрения П. Равила, то, на наш взгляд, представится вполне очевидным, что этим узким конечным гласным основы глаголов I спряжения был гласный \*е-.

В этом нетрудно также убедиться, если сравнить марийские глаголы с глаголами других финно-угорских языков. Например: мар. *колеш* 'слышит', фин. *kuulee* 'слышит', морд. м. *кулемс* 'слышать'; мар. *улеш* 'он есть', фин. *olen* 'я есмь', морд. э. *улемс* 'быть'; мар. *толеш* 'придет', фин. *tulee* 'придет'; мар. *шелеш* 'раскалывает, делит', (ср. фин. *säleillä* 'разбиться на осколки'), *säle* 'осколок', норв.-саамск. *čallet* 'отрезать, расколоть'; мар. *пӱчкеш* 'режет', фин. *pätke* 'рвет, срыывает', морд. э. *печкемс* 'зарезать', норв.-саамск. *bæsket*

‘стричь’; мар. *пуреш* ‘жуёт, грызёт’, фин. *puree* ‘кусает, грызёт’, морд. э. *поремс* ‘грызть, жевать’ и т. п.

Как видим, категория переходности и непереходности глаголов не играет роли в различении типов спряжения.

В отношении истории марийского спряжения весьма показателен также сравнительный анализ фонетического оформления глаголообразовательных суффиксов марийского языка и соответствующих глаголообразовательных суффиксов родственных языков. При сравнении наблюдается следующая закономерность: все суффиксы, восходящие к общефинно-угорским суффиксам с предполагаемым конечным гласным *\*-e*, образуют глаголы, относящиеся к I спряжению, и, наоборот, все суффиксы, восходящие к общефинно-угорским суффиксам с предполагаемым конечным гласным *\*-a* (*-ä*) образуют глаголы, относящиеся ко II спряжению. Для сравнения возьмем несколько примеров, в которых имеются словообразовательные суффиксы с предполагаемыми общефинно-угорскими конечными гласными *\*-e* и *\*-a* (*-ä*). Например: мар. *поремеш* ‘улучшается, поправляется’, от *поро* ‘добрый, хороший’; коми-зыр. *бурмыны* ‘стать добрым, улучшиться’, от *бур* ‘доброта, добрый’; эст. *рапанема* ‘поправляться’, ср. *paras* ‘лучший’; мар. *поктылеш* ‘погоняет’, от *покташ* ‘гнать’; фин. *juoksentele* ‘бежит’, от *juostaa* ‘бежать’; мар. *ыштылеш* ‘поделывать’, от *ышташ* ‘делать’; фин. *kantelee* ‘носит’, от *kantaa* ‘нести’; морд. э. *кантлемс* ‘приносить’, от *кандомс* ‘принести’; мар. *шулыкта* ‘растопляет’, от *шулаш* ‘таять’; фин. *sulattaa* ‘растопливает, расплавляет’, от *sulaa* ‘таять, расплавляться’; мар. *йѳкта* ‘поит’, от *йѳаш* ‘пить’; фин. *juottaa* ‘поит’, от *juoda* ‘пить’; удм. *люктаны* ‘поить’, от *юыны* ‘пить’.

Для различения типов спряжения производных глаголов категория переходности и непереходности также не имеет значения. Например, непереходный глагол *йошкарга* ‘краснеет’, от *йошкаргаш* ‘краснеть’, имеет форму II спряжения, а переходный глагол *шѳкалеш* ‘толкнет’, от *шѳкаш* ‘толкать’, имеет форму I спряжения; и наоборот — непереходный глагол *петыралташ* ‘запереться’, от *петыраш* ‘запереть’, имеет форму I спряжения, а переходный глагол *пералташ* ‘постучать’, от *пераш* ‘стукнуть’, имеет форму II спряжения.

Таким образом, если бы в основе двух различных типов спряжения марийского глагола лежали переходность и непереходность, то и производные глаголы в зависимости от переходности и непереходности должны были бы регулярно оформляться по разным спряжениям. Однако этого мы не наблюдаем. В силу различных поздних фонетических условий типы спряжения, конечно, могли частично смешаться, но

если бы они строились на какой-то семантической основе (переходность—непереходность), то вряд ли была бы такая возможность смешения. Так, в современном марийском языке глагол *каласкалаш* 'рассказывать', как и все заимствованные глаголы, относится ко II спряжению, но в устной речи иногда можно встретить этот же глагол в форме I спряжения, например: *Боголюбов дек кай докан тудо ала мом тылат каласкылеш* 'Сходи-ка ты к Боголюбову, он тебе нивесть что расскажет' (д. Алеекеевка Ронгинского района Мар. АССР). Кроме того, в диалектах можно встретить: *ондалем, ондалам* 'обниму', *нўжам, нўжем* 'брею, скребу'.

Более вероятно, что типы спряжения не имели семантической обусловленности, а возникли лишь как результат фонетической обусловленности присоединения личного окончания (первоначального личного местоимения) к той или иной основе глагола.

Итак, вполне вероятно, что два спряжения в марийском языке возникли в зависимости от качества гласных в основе слова. Этими гласными были *\*a* (*ä*) и *\*e*. Формы II спряжения возникли от глаголов с основой на *\*a-*, (*ä-*), формы же I спряжения — от глаголов с основой на *\*e-*.

Косвенным доказательством этому служит и то обстоятельство, что в современном марийском языке все глаголы I спряжения, за исключением односложных с основой на гласный, во 2-м лице повелительного наклонения имеют основу на согласный, например: *тол* 'приди', от *толаш* 'приходить'; *ошкыл* 'шагай', от *ошкылаш* 'шагать'; *пур* 'гры. и, кусай', от *пураш* 'грызть, кусать', и т. п. Глаголы же II спряжения, наоборот, имеют основу на гласный, например: *кондо* 'принеси', от *кондаш* 'принести'; *шого* 'стой', от *шогаш* 'стоять'; *муро* 'пой', от *мураш* 'петь'; *ончо* 'смотри', от *ончаш* 'смотреть', и т. п.

Отмеченное явление не случайно. Если учесть, что финно-угорское слово всегда оканчивалось на гласный звук, то на месте современной основы на согласный должна была быть основа на гласный. Так же несомненно и то, что полной редукции и исчезновению в безударном абсолютном исходе легче подвергаются гласные слабой интенсивности. Таким гласным в непервых слогах древнемарийского слова оказывался только гласный *\*e*, гласный же *\*a* (*ä*) как наиболее интенсивный такой возможности почти не имел, поэтому сохранил свои следы до сих пор. Несколько иную картину развития имеют глаголы типа *кодаш* 'оставить, остаться', о чем будет сказано ниже. Кроме того, следует учесть и то обстоятельство, что в современном марийском языке в фор-



мах настоящее-будущего времени изъявительного наклонения гласные звуки форм 3-го лица не соответствуют гласным звукам первых двух лиц. Например:

| I спряжение               | II спряжение             |
|---------------------------|--------------------------|
| <i>толам</i> 'приду'      | <i>пурем</i> 'зайду'     |
| <i>толат</i> 'придешь'    | <i>пурет</i> 'зайдешь'   |
| но: <i>толеш</i> 'придет' | но: <i>пура</i> 'зайдет' |

Этому вопросу посвящена специальная работа Э. Беке. Автор считает, что окончание 3-го лица единственного числа настоящего-будущего времени глаголов I спряжения является не чем иным, как окончанием причастия *-ше* (*-шо*, *-шö*), в котором, по его мнению, произошла метатеза *-ше* > *-еш*.<sup>11</sup>

Окончание же 3-го лица единственного числа настоящего-будущего времени глаголов II спряжения *-а*, *-ä*, по мнению Беке, развилось из первоначального редуцированного гласного глагольного корня. На наш взгляд, прав Беке, когда происхождение формы 3-го лица единственного числа настоящего-будущего времени глаголов I спряжения связывает с причастным суффиксом *-ше* (*-шо*, *-шö*) (ср. *күлешыжым кондем* 'нужное принесу'), но вряд ли можно признать здесь метатезу. Также трудно полагать, был ли в основе глаголов II спряжения редуцированный гласный. Если сравнить общепинно-угорские глаголы, то к такому решению данного вопроса прийти трудно и вообще едва ли возможно, например: мар. луг. *кондаш*, горн. *кандаш* 'принести', морд. *кандомс* 'нести', фин. *kantaa* 'нести'. Если форма 3-го лица некогда выражалась именем действия, то это заставляет думать, что она должна была быть оформлена каким-то показателем, но не быть „чистой“ основой, как об этом говорит Э. Беке.

В форме 3-го лица единственного числа настоящего-будущего времени глаголов I спряжения, как мы видели, выступал и выступает *š*-овый показатель, т. е. формант причастия на *-ше* (*-шо*, *-шö*). У глаголов же II спряжения в этом случае, очевидно, выступал другой показатель. Наиболее вероятным для них является, на наш взгляд, признак *\*va* (*-vā*), как это наблюдается в финском языке, хотя П. Равила полагает другой признак, а именно *\*ai*.<sup>12</sup> Развитие формы 3-го лица единственного числа настоящего-будущего времени глаголов II спряжения, очевидно, проходило следующим образом: *\*kandava* 'несущий' > *\*kandav* > *kanda* 'несет', *konda* 'несет'.

<sup>11</sup> Ö. Beke. Zur Geschichte der tscheremissischen Konjugation. FUF, XXII, Helsinki, 1943, стр. 130.

<sup>12</sup> P. Ravila, ук. соч., стр. 24.

«Переход  $a > o$  в луговом наречии марийского языка — явление более позднее).<sup>13</sup>

В современном марийском языке причастия на *-ше* (*-шо*, *-шö*) могут выражать законченное и незаконченное действия, например: *колшо айдем* 'умерший человек', *ошкыло ен* 'шагающий человек'. Это позволяет думать, что и в древнемарийском языке *š*-овые причастия могли выражать законченное и незаконченное действия. Раз так, то не без основания можно допустить, что форма 3-го лица единственного числа настоящего-будущего времени восходит к *š*-овому причастию со значением незаконченности действия. Для различения незаконченности действия, т. е. настоящего времени, был необходим какой-то различитель, которым, по нашему мнению, и выступил согласный *к* — показатель презенса, встречающийся в современном марийском языке в отрицании и в некоторых диалектах даже в *š*-овых причастиях. Например: мар. горн. *ййкшй*, луг. *ййшö* 'пьющий, пьяный', от *ййаш* 'пить'; яранск. *köläk<sup>x</sup>šo* 'мертвый, умирающий',<sup>14</sup> от *kolaš* 'умирать, умереть'; мар. луг. *колышо* 'мертвый, умирающий'; яранск. *äläk<sup>x</sup>šä* 'живой' (ср. *äläk<sup>x</sup>šänek*,<sup>14</sup> от *älaš* 'жить'. Отрицание (бывший отрицательный глагол):

#### Единственное число

|           |               |               |               |      |           |         |
|-----------|---------------|---------------|---------------|------|-----------|---------|
| мар. луг. | <i>огым</i> , | горн.         | <i>агым</i> , | фин. | <i>en</i> | 'я не'  |
|           | <i>огыт</i> , | <i>агыт</i> , | "             | "    | <i>et</i> | 'ты не' |
|           | <i>огеш</i> , | <i>агеш</i> , | "             | "    | <i>ei</i> | 'он не' |

#### Множественное число

|           |                |                |                |      |              |          |
|-----------|----------------|----------------|----------------|------|--------------|----------|
| мар. луг. | <i>огына</i> , | горн.          | <i>агына</i> , | фин. | <i>emme</i>  | 'мы не'  |
|           | <i>огыда</i> , | <i>агыда</i> , | "              | "    | <i>ette</i>  | 'вы не'  |
|           | <i>огыт</i> ,  | <i>агеп</i> ,  | "              | "    | <i>eivät</i> | 'они не' |

Этот же показатель *к* по аналогии мог позднее выступить и при *-ва* (*-vā*), так как последний *к* древнемарийскому периоду, по всей вероятности, не сохранил функции показателя презенса, ср. *ыш кандеп* 'не принесли (они)', *ак кандеп* 'не принесут'.

В современном марийском языке *š*-овое причастие в соответствии с гармонией гласных имеет три варианта конечного гласного: *-о*, *-ö*, *-е*. Например: *толшо* 'приходящий', *кайше* 'уходящий', *пйчшö* 'режущий'. Очевидно, однако, не все эти три варианта первоначальны. Если учесть, что лабиальная

<sup>13</sup> См.: Б. А. Серебrenников. К истории звуков чувашского языка. Уч. зап. Чувашского научно-иссл. ин-та языка, литературы, истории и экономики, вып. XIV, Чебоксары, 1956, стр. 78.

<sup>14</sup> Веке Ö. Mari szövegek. Budapest, 1957, стр. 150.

гармония гласных в марийском языке — явление позднее, то следует остановиться на одном варианте гласного, а именно на *-e*, который впоследствии претерпел редукцию.

Таким образом, можно предположить, что форма 3-го лица единственного числа глаголов I спряжения претерпела следующее развитие: *\*tolekšā > tolekš > toleš* 'придет'. Переход *kš > š* — закономерное явление для марийского языка; ср. *парнякш > парняш* 'наперсток', *шўракш > шўраш* 'круп', и т. п.

Как видно из сказанного выше, в оформлении 3-го лица единственного числа настоящего-будущего времени в марийском языке приняли участие два причастных показателя — *\*-va (-va)* и *\*-še*.

По всей вероятности, показатель *\*-va (-vā)* присоединялся к основам глаголов на *\*a- (ä-)*, т. е. II спряжения, показатель же *\*-še* — к основам глаголов на *\*e*, т. е. I спряжения, но позднее произошло смешение. Это довольно ясно проявляется в диалектных формах: *агеп тол, агет тол, ак/ок толеп* 'они не придут'; *шывет тол, ыш толеп* и *шышт тол* 'они не пришли', где в отрицании выступают все показатели: времени, лица, числа. В формах первых двух лиц настоящего-будущего времени первоначальные гласные основ глаголов претерпели большие изменения. Гласный *\*a- (ä-)*, оказавшись между двумя переднеязычными согласными (нужно заметить, что преобладающее большинство глагольных основ имеют переднеязычные согласные), перешел в *e-*, ср. *кондем* 'принесу', *конда* 'принесет', фин. *kantaa* 'несет'; поэтому мы имеем в первых двух лицах гласный *-e* (ед. ч. *-ем, -ет*; множ. ч. *-ена, -еда*).

Для выяснения судьбы гласного *\*e* в глаголах I спряжения нужно рассмотреть историю глаголов типа *кодаш* 'оставить, остаться'. Первоначально эти глаголы, очевидно, были только переходными и имели основу на гласный *\*a- (ä-)*. Второй же тип их спряжения — результат исторического развития. Мы вполне солидарны с И. Буденцом (об этом убедительно говорят данные мордовских языков), что в глаголах I спряжения, но не во всех, как это думал Буденц, а лишь в глаголах типа *кодаш* (*кодам* 'останусь', *кодем* 'оставлю') когда-то выступал общефинно-угорский возвратный (условно) суфф. *\*-v*. Ср. мар. *кодам* 'останусь', морд. э. *кадовомс* 'остаться', мар. *кодем* 'оставлю', морд. э. *кадомс* 'оставить'. Однако мы никак не можем согласиться с И. Буденцом в том, что этот суффикс оканчивался на гласный *\*a (-ä)*.

Анализируя глагольные суффиксы мордовских языков, В. Халлап пришел к вполне убедительному заключению, что

мордовский суфф. *-во, -ве* восходит к домордовскому *-\*ре* или *-\*ве*.<sup>15</sup> Поэтому никак нельзя говорить, что с исчезновением предполагаемого суффикса в глаголах I спряжения остался гласный данного суффикса, ибо, как видно, гласным этого суффикса являлся не *-\*a (-ä)*. Напротив, с исчезновением предполагаемого суффикса исчез, на наш взгляд, и гласный этого суффикса. Вследствие чего путем переразложения гласный основы подобных глаголов сделался частью личного окончания. Тем самым глаголы типа *кодаш* получили второй тип спряжения и сохранили этот тип как различие от первого. Приблизительную картину развития подобных глаголов можно представить так: *\*kodavekmâ > kodavem > \*kodavm > kodam* 'останусь'. Лишь в форме 3-го лица гласный основы глаголов типа *кодаш* 'оставить, остаться' (*a-, ä-*) по аналогии с другими глаголами I спряжения развился в *e-*, поэтому мы имеем форму: *kodeš* 'останется'  $< *kodekš < *kodavekš < *kodavekšâ$ .

Первоначальный гласный *\*e-* в формах первых двух лиц единственного числа настоящего-будущего времени всех других глаголов I спряжения через редукцию перешел в *a-*.<sup>16</sup> Причиной перехода *e > a*, очевидно, послужило ассимиляторно-обобщающее действие глаголов типа *кодаш* 'оставить, остаться', где форма первого спряжения из-за исчезновения *\*v*-ового суффикса развилась прямо из основы глагола + личное окончание. О том, что это было так, красноречиво говорит, во-первых, то обстоятельство, что гласный *-a (-ä)* мы встречаем только в формах первых двух лиц единственного числа настоящего-будущего времени, а во всех остальных случаях — редуцированный гласный или *-e*; во-вторых, отрицание спрягается по I спряжению и в формах первых двух лиц *-a* не имеет.

Для наглядности приведем два глагола в парадигме по разным типам спряжения:

### Утвердительная форма

#### Настояще-будущее время

##### I спряжение

##### II спряжение

|              |                        |               |                       |
|--------------|------------------------|---------------|-----------------------|
| <i>толам</i> | 'прихожу', 'приду'     | <i>кондем</i> | 'несу', 'принесу'     |
| <i>толат</i> | 'приходишь', 'придешь' | <i>кондет</i> | 'несешь', 'принесешь' |

<sup>15</sup> В. Халлап, ук. соч., стр. 16.

<sup>16</sup> Переход *e > a* через редукцию встречается и в других языках. См.: М. Хямяляйнен. Внешне-местные падежи в северо-восточной группе прибалтийско-финских языков. Собрание по вопросам исторической грамматики и исторической диалектологии финно-угорских языков, тезисы докладов, М., 1959, стр. 55.

|               |              |           |                |           |             |
|---------------|--------------|-----------|----------------|-----------|-------------|
| <i>толеш</i>  | ‘приходит’,  | ‘придет’  | <i>конда</i>   | ‘несет’,  | ‘принесет’  |
| <i>толына</i> | ‘приходим’,  | ‘придем’  | <i>кондена</i> | ‘несем’,  | ‘принесем’  |
| <i>толыда</i> | ‘приходите’, | ‘придете’ | <i>кондеда</i> | ‘несете’, | ‘принесете’ |
| <i>толыт</i>  | ‘приходят’,  | ‘придут’  | <i>кондат</i>  | ‘несут’,  | ‘принесут’  |

## Прошедшее I время

|               |               |                 |                 |
|---------------|---------------|-----------------|-----------------|
| <i>толым</i>  | ‘пришел (я)’  | <i>кондышым</i> | ‘принес (я)’    |
| <i>толыыч</i> | ‘ ” (ты)’     | <i>кондышыч</i> | ‘ ” (ты)’       |
| <i>тольо</i>  | ‘ ” (он)’     | <i>кондыш</i>   | ‘ ” (он)’       |
| <i>толна</i>  | ‘пришли (мы)’ | <i>кондынша</i> | ‘принесли (мы)’ |
| <i>толда</i>  | ‘ ” (вы)’     | <i>кондышда</i> | ‘ ” (вы)’       |
| <i>толыыч</i> | ‘ ” (они)’    | <i>кондышт</i>  | ‘ ” (они)’      |

## Прошедшее II время

|                |               |                 |                 |
|----------------|---------------|-----------------|-----------------|
| <i>толынам</i> | ‘пришел (я)’  | <i>конденам</i> | ‘принес (я)’    |
| <i>толынат</i> | ‘ ” (ты)’     | <i>конденат</i> | ‘ ” (ты)’       |
| <i>толын</i>   | ‘ ” (он)’     | <i>конден</i>   | ‘ ” (он)’       |
| <i>толынна</i> | ‘пришли (мы)’ | <i>конденна</i> | ‘принесли (мы)’ |
| <i>толында</i> | ‘ ” (вы)’     | <i>конденда</i> | ‘ ” (вы)’       |
| <i>толыныт</i> | ‘ ” (они)’    | <i>конденыт</i> | ‘ ” (они)’      |

## Отрицательная форма

## Настояще-будущее время

|                    |                   |                                            |
|--------------------|-------------------|--------------------------------------------|
| <i>ом (огым)</i>   | <i>тол, кондо</i> | ‘не приду, прихожу, принесу, несу’         |
| <i>от (огет)</i>   | <i>тол, кондо</i> | ‘не придешь, приходишь, принесешь, несешь’ |
| <i>ок (огеш)</i>   | <i>тол, кондо</i> | ‘не придет, приходит, принесет, несет’     |
| <i>она (огына)</i> | <i>тол, кондо</i> | ‘не придем, приходим, принесем, несем’     |
| <i>ода (огыда)</i> | <i>тол, кондо</i> | ‘не придете, приходите, принесете, несете’ |
| <i>огыт</i>        | <i>тол, кондо</i> | ‘не придут, приходят, принесут, несут’     |

## Прошедшее I время

|                        |                          |
|------------------------|--------------------------|
| <i>шым тол, кондо</i>  | ‘я не пришел, принес’    |
| <i>шыч тол, кондо</i>  | ‘ты ” ” ” ’              |
| <i>ыш тол, кондо</i>   | ‘он ” ” ” ’              |
| <i>шына тол, кондо</i> | ‘мы не пришли, принесли’ |
| <i>шыда тол, кондо</i> | ‘вы ” ” ” ’              |
| <i>ышт тол, кондо</i>  | ‘они ” ” ” ’             |

## Прошедшее II время

|                           |                       |
|---------------------------|-----------------------|
| <i>толын, конден омыл</i> | ‘я не пришел, принес’ |
| <i>толын, конден отыл</i> | ‘ты ” ” ” ’           |

|                             |      |    |         |           |   |
|-----------------------------|------|----|---------|-----------|---|
| толын, конден огыл          | ‘он  | ”  | ”       | ”         | ’ |
| толын, конден онал (огынал) | ‘мы  | не | пришли, | принесли’ |   |
| толын, конден одал (огыдал) | ‘вы  | ”  | ”       | ”         | ’ |
| толын, кондан огытыл        | ‘они | ”  | ”       | ”         | ’ |

Таким образом, развитие форм первых двух лиц единственного числа настоящего-будущего времени изъявительного наклонения можно изобразить так:

1-е л.  $*tolekmy > *tolâkmy > *tolâkm > *tolâm > tolam$   
‘я прихожу, приду’;

2-е л.  $tolektŷ > *tolâktŷ > *tolâkt > *tolât > tolat$  ‘ты приходишь, придешь’.

Что касается современного ударения на гласном *a* личного окончания, то нужно отметить, что гласный *a* в марийском языке — наиболее интенсивный; он способен перетягивать на себя ударение.<sup>17</sup> К тому же ударение в марийском языке несколько грамматизовано. Кроме того, необходимо заметить, что в отношении перехода ударения в марийском языке с начала слова на конец некоторое влияние оказали тюркские языки.

Из всего вышесказанного можно заключить:

1) Возникновение двух спряжений в марийском языке связано с качеством гласных основы древнемарийского слова.

2) Основы глаголов, которые оканчивались на предполагаемый гласный  $*a-$  ( $\ddot{a}-$ ), вследствие перехода  $*a-$  ( $\ddot{a}-$ )  $> e-$  между переднеязычными согласными дали глаголы II спряжения.

3) Основы глаголов, которые оканчивались на предполагаемый гласный *e-*, после редукции его вследствие ассимиляторно-обобщающего действия глаголов типа *кодаш* (где из-за исчезновения возвратного суффикса  $*-v$  гласный основы  $*a-$  ( $\ddot{a}-$ ) перешел в личное окончание) дали глаголы I спряжения.

<sup>17</sup> Л. П. Грузов. Современный марийский язык. Фонетика. Йошкар-Ола, 1960, стр. 48.